УДК 343.2/.7 DOI: 10.22394/2074-7306-2020-1-1-160-166

ОШИБКИ ЗАКОНОДАТЕЛЯ – ТРУДНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ – КАЧЕСТВЕННОЕ УХУДШЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Панько Кирилл Константинович доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Воронежский государственный университет (394018, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10А, корпус 9). E-mail: panko_kiril@mail.ru

Щербакова Людмила Михайловна доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, Северо-Кавказский федеральный университет (355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, строение 2 (корпус 20)). E-mail: scherbakova@list.ru

Аннотация

В статье анализируется взаимосвязь ошибочного законодательства, дефектного правоприменения и качественных характеристик преступности, показываются объективные и субъективные причины негативных процессов в сфере управления противодействием преступности. Авторы выполнили своё исследование на базе обращения к отраслевому законодательству, научным взглядам и уголовной статистике, сопровождая и завершая труд выводным знанием и предложениями.

Ключевые слова: *международные договоры, ошибки, парламент, правоприменительная деятельность, преступность, причины, рецидив, уголовное законодательство, язык закона.*

В настоящее время уголовное законодательство России полностью кодифицировано и официально состоит только из Уголовного кодекса РФ с обязательностью включения в его текст всех новелл по борьбе с преступностью (ст. 1). С одной стороны, это очень хорошо, поскольку освобождает практиков от необходимости искать правовую основу своих решений в множестве нормативных актов с различной юридической силой и временем принятия, а изворотливых преступников лишает довода, будто власть специально распыляет антикриминальные правила в нескольких источниках с целью затруднить поиск и понимание нужных норм обывателями, что понижает уровень их правомерного поведения.

С другой стороны, по самой известной и афористичной формуле право определяется как «заведомо равная мера к заведомо неравным людям и обстоятельствам» [1], то есть олицетворяет *типовое* (неточное и потому несправедливое) орудие управления огромным подвижным социумом, представляемым индивидуумами и их своеобразными поступками. В таких координатах текста одного нормативного акта явно недостаточно. Если же учесть, что закон после его принятия работает несколько десятилетий, а жизнь за это время существенно меняется, ситуация становится ещё хуже. Наконец, в криминальной области, где царствуют запреты, злодеи намеренно осуществляют свои посягательства таким образом, чтобы по отдельным фрагментам они обязательно не совпадали с описаниями подобных деяний в тексте закона. Напомним вечное: «петух встаёт рано, но злодей ещё раньше» (К. Прутков); «законодательство всегда будет отставать от последнего слова преступной воли (А.Ф. Кони) [2, с. 426]. Тут уж государству с его принципом строгой законности никак не угнаться за ухищрениями преступников.

На этой волне в науке, по мере нарастания фактов, убедительно показывающих недостаточность (скупого и стареющего со временем) текста УК РФ для охвата криминальных деликтов, давно началась и крепчает дискуссия по поводу дополнения уголовной ответственности ещё одним источником – тематическими постановлениями Пленума Верховного Суда России [3; 4; 5; 6; 7; 8]. А между тем до настоящего времени достаточно чётко не решён вопрос о взаимодействии норм международного и российского уголовного права. С одной стороны, в Конституции РФ содержится правило, в соответствии с которым в случае противоречия между международным договором и законом РФ применяются нормы международного договора, а с другой – в ст. 1 УК РФ утверждается, что Кодекс является единственным источником российского уголовного права и что он (уже –

К.П. и *Л.Щ.*) «основывается на Конституции РФ и общепризнанных принципах и нормах международного права» (но не на международных договорах – *К.П.* и *Л.Щ.*). Указанное свидетельствует о том, что вопрос о приоритете того или иного права в случае коллизии (от лат. collision – столкновение, расхождение содержания) норм по борьбе с преступностью не решен. Более того, непосредственное применение международных договоров невозможно из-за отсутствия в них уголовно-правовых санкций.

Примечательно, что специалисты в области уголовного права предлагают непосредственно применять международно-правовые нормы в случае, если ими установлены основания, по которым лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности, которых нет в УК РФ, и освобождать таких лиц на основании прямого действия международного договора. Между тем, эта проблема требует своего законодательного решения. Иначе как указанное сопоставить, например, с мнением профессора А.В. Наумова о том, что «уголовное право – это отрасль права, объединяющая правовые нормы, которые устанавливают, какие деяния являются преступлениями и какие наказания, а также иные меры уголовно-правового воздействия применяются к лицам, их совершившим, определяют основания уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности и наказания» [9, с. 744].

Но это, так сказать, *объективные* причины, затрудняющие полноту и точность юридического воздействия на преступность. Однако проблема отягощается «*субъективной*» деятельностью самого законодателя, принимающего некачественные уголовно-правовые нормы, чему масса доказательств и чему посвящается буквально шквал критики со стороны отраслевой науки [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. Однако «Васька слушает, да ест», учёные негодуют и вносят предложения по улучшению ситуацию, но парламент практически не слышит негативные отклики и не реагирует на них. Дело дошло до того, что на самом массовом форуме криминалистов (ежегодный Конгресс уголовного права на базе МГУ) звучат мысли о том, что[1] [17]: а) «со времени выхода в свет печально известного закона от 8 декабря 2003 г. и вплоть до сегодняшнего дня… законодатель перестал всерьёз считаться с мнением научного сообщества» (с. 50); б) «превращение действующего Уголовного кодекса в плацдарм для бессистемных законотворческих экспериментов... поставило принципиально неразрешимые задачи перед практикой и наукой» (с. 51); в) расчёты федерального парламента по обновлению УК РФ «далеки от мотивов, которыми руководствуются учёные» и являются «если не коррупционными, тот как минимум конъюнктурными… О чём разговаривать учёному с таким законодателем?» (с. 52); г) «если научное сообщество считает мотивы законодателя неприемлемыми, (ему – *К.П.* и *Л.Щ.*) остаётся лишь одно решение – …переориентировать свои исследования на… практику» (с. 53); д) резюме автора таково: отказаться от внесения предложений по совершенствованию текста УК РФ, а сделать упор на приращение научного знания и помощь правоприменителям (с. 54).

Итак, единственной нормативной основой уголовного преследования в нашей стране является текст УК РФ – лаконичный, не всегда качественный, со временем становящийся ущербным в силу изощрений криминального ума, строящего свои поступки с учётом ранее принятого и действующего закона. Отсюда единственным допустимым выходом становится искусное применение закона и начинается это с толкования. Оно, как известно, представляет собой уяснение (для себя) или разъяснение (для других) неполно или плохо выраженной государственной воли в тексте закона.

Основные аспекты учения о толковании (понятие, виды, способы или приёмы) настолько хорошо разработаны в отечественной юриспруденции, что однотипным образом излагаются в отраслевых и по курсу теории государства и права учебниках. Посему остановимся на тех фрагментах правоприменительной интерпретации УК РФ, которые мало изучены или на которые мало обращается внимания специалистов.

Юристы почитают толкование важной стадией правоприменительного процесса. Мы бы, применительно к УК РФ, настаивали на *неизбежности* его толкования, что вызывается целым рядом причин: большим разрывом между абстрактно-лаконичным текстом и множеством конкретных признаков индивидуальных преступлений [18, с. 395]; разбросом признаков состава по статьям Общей и Особенной частей кодекса, хотя формально описанию посягательств посвящены профильные статьи Особенной части УК; традиционным присутствием в тексте УК значительного ко-

[1] Ниже цитируются мысли из выступления молодого учёного из Екатеринбурга на Конгрессе десятилетней давности по публикации: *Кирюшкин М.В.* Стратегия развития науки уголовного права в эпоху нестабильности законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: Проспект, 2010. С. 50 – 54.

личества терминов и словосочетаний оценочного типа; нереальностью отражения в тексте принятого закона всех нюансов меняющейся (криминальной) жизни.

Неизбежность интерпретаций УК РФ дополняется её трудностью. Ведь современный государственный язык, на котором пишутся нормативные тексты, если иметь в виду его управленческую функцию, находится почти в критическом состоянии. *Во-первых*, в отечественном законодательстве задействована уже треть национальной лексики, что недопустимо много, ибо лингвисты рекомендуют использовать для целей управления не более 10 % тезауруса. Выхода два: либо изобретать и запускать в законодательные тексты искусственные термины, либо решаться на бóльшую свободу толкования текста УК. *Во-вторых*, около 80 % словарного запаса европейских языков с длительной литературной традицией (в их число входит и русский) характеризуется полисемичностью [19] и этот процент растёт в силу повышения коммуникаций между народами. Значит, надежды на идеальное или однозначно понимаемое практиками законодательство нереальны; специалисты отрасли должны снизить граду своих ожиданий и сосредоточиться на выработке технологий толкования текста УК с учётом состояния национального языка и качества правотворчества.

Многие обстоятельства, большинство из которых приведены выше, практически исключают ситуацию, когда создаётся впечатление, будто текст закона специально выписан для конкретного криминального происшествия. Для таких, идеальных случаев достаточно так называемого буквального толкования. Другие виды – распространительное и ограничительное толкование. В научной литературе их приводят как обыденные и равноценные. Тем не менее, для сферы уголовного права с эпохи Древнего Рима расширительное толкование считается нежелательным (poenalia nullo modo sunt extendenda). Данная установка подкрепляется в действующем Уголовном кодексе РФ, но при опоре на гуманистические идеалы: в санкциях статей Особенной части законодатель вначале перечисляет самые мягкие виды наказания и предписывает, чтобы суды выбирали суровые виды наказаний только при убеждении, что более мягкие виды не обеспечат достижение поставленных в УК целей (т. 60); официальный список отягчающих наказание обстоятельств имеет закрытый характер, а смягчающих – может быть дополнен судами (ч. 2 ст. 61); подавляющее большинство специальных правил назначения наказания содержит ограничение, выражаемое словами «не может превышать…» (ст.ст. 62, 65, 66, 69, 70 УК).

Теперь покажем трудности интерпретации парламентской воли из-за нелогичности построения отдельных норм и структуры уголовного закона в целом. Так, в преамбуле «Международной конвенции о борьбе с захватом заложников» (принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г.) говорится, что государства – участники конвенции соглашаются с ее содержанием и в особенности признают, что каждый имеет право на жизнь, свободу и безопасность, как это предусмотрено во «Всеобщей декларация прав человека» (принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) и «Международном пакте о гражданских и политических правах» (принят резолюцией 2200 А (XX1) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.) Согласно толковому Словарю русского языка С.И. Ожегова: «заложник – лицо, насильственно кем-нибудь задержанное в обеспечение того, что теми, кто заинтересован в освобождении этого лица, будут выполнены какие-нибудь требования, обязательства» [20, с. 188].

Указанное свидетельствует о том, что свобода человека является основным объектом захвата заложника, а выдвижение требований, выполнение которых является условием освобождения заложника, является существенным обстоятельством, отличающим рассматриваемое деяние от других преступных деяний. Между тем, в УК РФ ст. 206 «Захват заложника» содержится в главе 24 «Преступления против общественной безопасности», поэтому правоприменитель зачастую расценивает случаи захвата и удержания лиц с предъявлением требования их выкупа как похищение человека, что безусловно вступает в противоречие с этимологическим значением слова «заложник».

Как свидетельствуют результаты опроса специалистов в области уголовного права, многие следственно-судебные ошибки порождаются синонимичностью законодательного текста. В качестве примера можно привести понятия «ущерб» (в УК РФ используется в 26 статьях) и «вред» (содержится в 44 статьях УК РФ). Поскольку указанные термины в нормах закона выступают как равновеликие по объёму понятия, то можно согласиться с мнением о том, что эти термины в УК РФ употребляются как синонимы [21, с. 19].

С точки зрения совершенствования понятийного аппарата уголовного права можно обратить внимание и на содержание ст. 106 УК РФ, которая предусматривает ответственность за убийство матерью своего новорожденного ребёнка. Отсутствие законодательного определения понятия «новорожденный ребёнок» даёт повод для различных трактовок. Причина в том, что диспозиции

ст. 106 УК РФ следует, что мать может лишить жизни своего ребёнка и до его отделения от утробы матери (в период схваток, отхождения околоплодных вод, раскрытия шейки матки, изгнания плода), но в этот момент ребёнок ещё не считается новорожденным, поскольку последний – это родившейся ребёнок, а в медицине процесс родов включает в себя не только процесс рождения, но и последовый период («сразу же после родов» – как это указано в ст. 106 УК РФ). Но здесь возникает резонный вопрос: как мать может лишить жизни своего новорожденного (уже родившегося – *К.П.* и *Л.Щ.*) ребёнка во время родов, как это описано в диспозиции рассматриваемой статьи?

Немало проблем вызывает и термин «аффект», используемый законодателем в качестве признака основного состава некоторых преступлений. При этом, состояние аффекта законодатель практически приравнял к состоянию внезапно возникшего сильного душевного волнения. Между тем, понятия «аффекта» и «сильного душевного волнения» нельзя признать идентичными, хотя степень последнего является наиболее ярким и выразительным показателем аффекта. Как показывает анализ практики, суд может применить ст. 107 УК РФ «Убийство, совершенное в состоянии аффекта», в диспозиции которой состояние аффекта законодатель поставил на один уровень с состоянием сильного душевного волнения, даже в том случае, когда у преступника фактически аффект отсутствует.

Анализ практики доказывает связь ошибочной правоприменительной деятельности с широким спектром законотворческих погрешностей – с неточным употреблением юридических понятий, неудачной лингвистической конструкцией составов преступлений, стилистическими и редакционно-техническими изъянами, нарушением последовательности и логической завершенности изложения мысли, её целостности и полноты.

Показательна в этом аспекте оценка известных отечественных ученых, которые обосновывают необходимость преодоления таких негативных тенденций российского уголовного нормотворчества, как: 1) «бессистемность в разработке законодательства, несогласованность между различными законодательными актами, частоту изменений действующих законов, нечёткость формулировок норм законодательных актов; 2) «недосказанность» законодательных норм и законотворческую практику конструирования так называемых отсылочных норм – тех, которые адресуются подзаконным нормативным актам; 3) слабую аналитическую и прогностическую оценку последствий (социальных, экономических, правоприменительных, международных и иных) принимаемых законодательных актов; 4) отсутствие гласности и даже закрытость при подготовке законодательных актов; 5) игнорирование, медлительность и неполноту реализации в российском законодательстве международно-правовых норм, содержащихся в конвенциях (договорах, соглашениях), ратифицированных или подписанных Российской Федерацией, и др.» [22, с. 12].

Аксиоматично, что основным объектом уголовно-правового воздействия служит преступность, что её характеристики учитываются законодателем. Вот только качество такого учёта традиционно оставляет желать лучшего. Во-первых, всем набила оскомину официальная уголовная статистика, которой не верят даже руководители государства [23]. Во-вторых, «современная уголовная политика… (и законодательство – *К.П.* и *Л.Щ.*) пока в самой малой степени обусловлена реальной криминальной обстановкой, складывающейся в стране и её регионах. Пожалуй, единственное исключение в этом плане – борьба с терроризмом и экстремизмом» [24, с. 22]. В-третьих, А.И. Бойко сопоставил коэффициенты преступности по общеуголовным деликтам за годы, предшествующие принятию последних УК России (1959 и 1995), со срединными размерами санкций за эти посягательства по вновь принятым в 1960 и 1996 гг. кодексам, «которые, надо полагать, были установлены властями со знанием дела, т.е. с опорой на данные о преступности хотя бы предшествующего года». Медиана санкций за умышленное убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование, кражу, грабёж, разбой и хулиганство на основании выросшего коэффициента преступности по этим деликтам должна была возрасти в 6,3 раза, однако ужесточение уголовной репрессии не превысило и одного пункта [25, с. 9 – 10].

При таком разрыве между генеральными показателями криминальной активности населения и ответной реакцией властей качественные характеристики преступности должны расти, что мы и наблюдаем. При общей тенденции снижения большинства официально зарегистрированных показателей преступности с 2006 года, впервые за новейшую историю России повторные деяния в общей структуре составили более половины всех преступлений: в 2014 г. – 50,7 %, в 2015 г. – 51,8 %, в 2016 г. – 54,0 %, в 2017 г. – 56,0 % [26]. А ведь рецидивоопасность является одной из значимых качественных характеристик преступности.

Для сравнения отметим, что в 60-е годы прошлого века уровень рецидивной преступности составлял 28 %, в 70-е годы – 33 %, в 80-е годы – 21 %, в 90-е – 24 %. В начале XXI века доля ранее судимых среди осужденных составляла в среднем около 15 %. Понятно, что рецидивная

преступность, как и любой другой вид преступности, подвержена колебаниям, однако на современном этапе имеет место фаза её подъема.

Однако на фоне либерализации общественных отношений действует противоположная тенденция – снижение числа осужденных, хотя в их общей массе преобладают категории судимых два и более раза, а в современных исследованиях [27] отмечается рост уровня многократного, пенитенциарного, постпенитенциарного, особо опасного и опасного рецидива. Особенно это характерно для лиц, отбывавших наказание в местах лишения свободы (составляют свыше 70% всех рецидивистов), причём треть из них освобождаются условно-досрочно или в связи с заменой лишения свободы более мягким наказанием. Как следствие, увеличивается число лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ); и это происходит на фоне сокращении их числа (за период с 2013 г. по 2017 г. в стране сокращена почти половина инспекций).

Итожим: Очевидна и требует глубокого изучения связь между ошибками депутатского корпуса в сфере уголовного законодательства, эффективностью правоприменительной деятельности и качественными характеристиками преступности. В области юридического регулирования первый неверный ход всегда делает законодатель – это аксиома. Его социально неадекватные и технически несовершенные решения дезориентируют правоприменителей и даже потенциальных преступников. В связи с этим можно прогнозировать наступление такого этапа взаимоотношений населения и парламента, когда в соответствии с древнеримским откровением «кто первый во времени, тот сильнее в праве» все неясности в Уголовном кодексе будут толковать против его создателей и в пользу тех, кто вынужден пользоваться некачественным парламентским продуктом.

Придёт эта эпоха и: 1) претензии по поводу множества непродуманных нововведений в УК РФ сменятся на более высокую ноту – сегодняшние расчёты на карательную и сдерживающую силу уголовного закона сменят требования результативного педагогического воздействия [28]; 2) беззубая политическая ответственность депутатов (через механизм выборов после иссечения срока легислатуры) уступит место дисциплинарной (через механизм отзыва отдельных «избранников народа») и даже материальной ответственности; 3) не только специалисты юриспруденции, но и рядовые обыватели согласятся со справедливостью суждения Г. Спенсера о том, что «ни в одном деле нет такого поразительного несоответствия между сложностью задачи и неподготовленностью тех, кто берётся за её решение. Несомненно, что из всех чудовищных заблуждений людей, самое чудовищное заключается в том, что для того, чтобы овладеть каким-нибудь несложным ремеслом, например, ремеслом сапожника, необходимо долго учиться, а единственное дело, которое (якобы – *К.П.* и *Л.Щ.*) не требует никакой подготовки, – это искусство создавать законы для целого народа!» [29, с. 136].

Литература

1. *Маркс К.* Критика Готской программы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19.
2. *Кони А.Ф.* Избранные труды и речи / Сост. Потапчук И.В. Тула: Изд-во «Автограф», 2000. 640 с.
3. *Бибик О.Н.* «Источники уголовного права Российской Федерации». СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 243 с.
4. *Грачёва Ю.В.* Проблемы судейского усмотрения в российском уголовном праве / Отв. ред. А.И. Чучаев. Владимир, 2005. 140 с.
5. *Гук П.А.* Судебный прецедент как источник права. Пенза, 2003. 176 с.
6. *Мадъярова А.В.* Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 405 с.
7. *Марченко М.Н.* Судебное правотворчества и судейское право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 510 с.
8. *Ображиев К.В.* Судебный прецедент как источник российского уголовного права. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 143 с.
9. Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Юрид. литература, 1975. 328 с. и др.
10. Российская криминологическая энциклопедия / Под общ. ред. А.И. Долговой. М.: Изд-во НОРМА, 2000. 808 с.
11. *Бойко А.И.* Предусловия систематизации уголовного законодательства // Библиотека криминалиста. 2013. № 1 (6). С. 20 – 36
12. *Бойко А.И*. Сдержанные поздравления современному депутатскому корпусу (научно-публицистическое эссе) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2005. № 4. С. 136 – 145.

13. *Кудрявцев В.Н., Кузнецова Н.Ф., Комиссаров В.С., Лунеев В.В.* Конституция – это закон и для Государственной Думы // Государство и право. 2007. № 5. С. 13 – 16.
14. *Кузнецова Н.Ф.* Мнение ученых о реформе УК (или qui prodest?) Уголовное право. 2004. № 1. С. 26 – 27
15. Кузнецова Н.Ф. Как реформы либерализма воплотились в реформе УК // «Чёрные дыры» в Российском Законодательстве. 2004. № 3. С. 124 – 131.
16. *Милюков С.Ф.* О субъективизме и волюнтаризме в современной законотворческой деятельности // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. М.: ЛексЭст, 2004. С. 50 – 52 и пр.
17. *Кирюшкин М.В.* Стратегия развития науки уголовного права в эпоху нестабильности законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: Проспект, 2010. С. 50 – 54.
18. Проблемы теории государства и права: Учебник для вузов / Под ред. С.С. Алексеева. М.: Юрид. литература, 1987. 446 с.
19. *Будагов Р.А.* Человек и его язык. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 262 с.
20. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Около 57 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М.: Рус. яз. 1981. 816 с.
21. *Волосюк Е.А.* Грамматическое толкование норм Уголовного кодекса Российской Федерации: Автореф. дисс… канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 22 с.
22. *Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф*. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
23. Долг исполнили ценой своей жизни // Российская газета. 2004 г. 24 марта. С. 3; Итоги, 16 декабря 2003 г., № 50 (392).
24. *Номоконов В.А.* Современная российская уголовная политика: желаемое и действительное // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 22 – 25.
25. *Бойко А.И.* Система и структура уголовного права: В 3-х т. Том 2: Системная среда уголовного права. Ростов-н/Д: Изд-во Южн. Федер. ун-та, 2007. 390 с.
26. Здесь и ниже статистические данные приводятся по работе: Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова и др. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 86 с.
27. *Макарова В.В.* Преступления, совершаемые условно осужденными: современное состояние и основные направления профилактики: Дис. … канд. юрид. наук. Рязань: Академия ФСИН, 2019. 211 с. и др.
28. *Владимиров Л.Е.* Уголовный законодатель как воспитатель народа. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. 256 с.
29. *Спенсер Г.* Грехи законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 129 – 136.

Panko Kirill Konstantinovich, doctor of law, Professor of the Department of criminal law, the Voronezh state university (building 9, Lenin square, 10A, Voronezh, 394018, Russian Federation).
E-mail: panko_kiril@mail.ru

Shcherbakova Lyudmila Mikhailovna, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, the North Caucasus federal university (building 2 (building 20), Pushkin St., 1, Stavropol, 355009, Russian Federation)
E-mail: scherbakova@list.ru

MISTAKES OF THE LEGISLATOR – DIFFICULTIES OF LAW ENFORCEMENT – QUALITATIVE DETERIORATION OF CRIME

Abstract

The article analyzes the relationship of erroneous legislation, defective law enforcement and qualitative characteristics of crime, shows the objective and subjective reasons for negative processes in the field of crime control. The authors performed their research on the basis of reference to industry legislation, scientific views and criminal statistics, accompanying and completing the work with deductive knowledge and suggestions.

Keywords: *international treaties, errors, Parliament, law enforcement, crime, causes, recidivism, criminal law, language of law.*

References

1. Marks K. Kritika Gotskoj programmy // K. Marks i F. Engel's. Soch., T. 19.
2. Koni A.F. Izbrannye trudy i rechi / Sost. Potapchuk I.V. Tula: Izd-vo «Avtograf», 2000. 640 s.
3. Bibik O.N. «Istochniki ugolovnogo prava Rossijskoj Federacii». SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «YUridicheskij centr Press», 2006. 243 s.
4. Grachyova YU.V. Problemy sudejskogo usmotreniya v rossijskom ugolovnom prave / Otv. red. A.I. CHuchaev. Vladimir, 2005. 140 s.
5. Guk P.A. Sudebnyj precedent kak istochnik prava. Penza, 2003. 176 s.
6. Mad"yarova A.V. Raz"yasneniya Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii v mekhanizme ugolovno-pravovogo regulirovaniya. SPb.: Izd-vo «YUridicheskij centr Press», 2002. – 405 s.
7. Marchenko M.N. Sudebnoe pravotvorchestva i sudejskoe pravo. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2008. 510 s.
8. Obrazhiev K.V. Sudebnyj precedent kak istochnik rossijskogo ugolovnogo prava. Stavropol': Stavropol'servisshkola, 2002. 143 s.
9. Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoj sisteme / Pod red. S.N. Bratusya. M.: YUrid. literatura, 1975. 328 s. i dr.
10. Rossijskaya kriminologicheskaya enciklopediya / Pod obshch. red. A.I. Dolgovoj. M.: Izd-vo NORMA, 2000. 808 s.
11. Bojko A.I. Predusloviya sistematizacii ugolovnogo zakonodatel'stva // Biblioteka kriminalista. 2013. № 1 (6). S. 20 – 36
12. Bojko A.I. Sderzhannye pozdravleniya sovremennomu deputatskomu korpusu (nauchno-publicisticheskoe esse) // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2005. № 4. S. 136 – 145.
13. Kudryavcev V.N., Kuznecova N.F., Komissarov V.S., Luneev V.V. Konstituciya – eto zakon i dlya Gosudarstvennoj Dumy // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 5. S. 13 – 16.
14. Kuznecova N.F. Mnenie uchenyh o reforme UK (ili qui prodest?) Ugolovnoe pravo. 2004. № 1. S. 26 – 27
15. Kuznecova N.F. Kak reformy liberalizma voplotilis' v reforme UK // «CHyornye dyry» v Rossijskom Zakonodatel'stve. 2004. № 3. S. 124 – 131.
16. Milyukov S.F. O sub"ektivizme i volyuntarizme v sovremennoj zakonotvorcheskoj deyatel'nosti // Mezhdunarodnoe i nacional'noe ugolovnoe zakonodatel'stvo: problemy yuridicheskoj tekhniki. M.: LeksEst, 2004. S. 50 – 52 i pr.
17. Kiryushkin M.V. Strategiya razvitiya nauki ugolovnogo prava v epohu nestabil'nosti zakonodatel'stva // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. M.: Prospekt, 2010. S. 50 – 54.
18. Problemy teorii gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. S.S. Alekseeva. M.: YUrid. literatura, 1987. 446 s.
19. Budagov R.A. CHelovek i ego yazyk. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1976. 262 s.
20. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: Okolo 57 000 slov / Pod red. N.YU. SHvedovoj. 13-e izd., ispr. M.: Rus. yaz. 1981. 816 s.
21. Volosyuk E.A. Grammaticheskoe tolkovanie norm Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Avtoref. diss… kand. yurid. nauk. – Krasnodar, 2013. 22 s.
22. Alekseev A.I., Ovchinskij V.S., Pobegajlo E.F. Rossijskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa. M.: Norma, 2006. 144 s.
23. Dolg ispolnili cenoj svoej zhizni // Rossijskaya gazeta. 2004 g. 24 marta. S. 3; Itogi, 16 dekabrya 2003 g., № 50 (392). S. 27.
24. Nomokonov V.A. Sovremennaya rossijskaya ugolovnaya politika: zhelaemoe i dejstvitel'noe // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy 4-j Mezhdunarodnoj nauch-no-prakticheskoj konferencii. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2007. S. 22 – 25.
25. Bojko A.I. Sistema i struktura ugolovnogo prava: V 3-h t. Tom 2: Sistemnaya sreda ugolovnogo prava. Rostov-n/D: Izd-vo YUzhn. Feder. un-ta, 2007. 390 s.
26. Zdes' i nizhe statisticheskie dannye privodyatsya po rabote: Kompleksnyj analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii i raschetnye varianty ee razvitiya: analiti-cheskij obzor / YU.M. Antonyan, D.A. Brazhnikov, M.V. Goncharova i dr. M.: FGKU «VNII MVD Rossii», 2018. 86 s.
27. Makarova V.V. Prestupleniya, sovershaemye uslovno osuzhdennymi: sovremennoe sostoyanie i osnovnye napravleniya profilaktiki: Dis. … kand. yurid. nauk. Ryazan': Akademiya FSIN, 2019. 211 s. i dr.
28. Vladimirov L.E. Ugolovnyj zakonodatel' kak vospitatel' naroda. M.: T-vo skoropech. A.A. Levenson, 1903. 256 s.
29. Spenser G. Grekhi zakonodatelej // Sociologicheskie issledovaniya. 1992. № 2. S. 129 – 136.